

УДК 821.161.1.09"1992/..."

А. К. КотловКостромской государственной университет
ak_kotlov@inbox.ru**ФУНКЦИИ ЭПИГРАФА
В «ПОВЕСТЯХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ» ОЛЕГА ПАВЛОВА**

В статье анализируется роль эпитафий в «Повестях последних дней» современного русского прозаика Олега Павлова.

Ключевые слова: О. Павлов, «Повести последних дней», современная русская проза, рама произведения, заголовочный комплекс, эпитафия, христианские мотивы.

А. К. KotlovKostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru**EPIGRAPH FUNCTIONS
IN "TALES OF THE LAST DAYS" BY OLEG PAVLOV**

Role of epigraphs in "Tales of the Last Days" by the modern Russian prose-writer Oleg Pavlov is analyzed in the article.

Key words: Oleg Pavlov, "Tales of the Last Days," modern Russian prose, work frame, headline complex, epigraph, Christian motifs.

С. Д. Кржижановский в работе «Поэтика заглавий» (1931) образно отметил значимость заголовочного комплекса произведения следующим образом: «...прошедшее сквозь более крупное сито текста должно еще раз процедиться сквозь заглавный лист» (4, 17). «Заглавный лист» в издательской терминологии в современной литературоведческой интерпретации практически идентичен понятию заголовочного комплекса.

Заголовочный комплекс традиционно относят к раме произведения и включают в его состав имя (псевдоним) автора, заглавие, подзаголовок, посвящение и эпитафия(ы), причем любой из этих компонентов имеет в большей или меньшей степени выраженный факультативный характер. По словам А. В. Ламзиной, «большая роль в "установлении контакта" между читателем и книгой принадлежит заголовочному комплексу и авторским предисловиям, создающим определенную установку восприятия» (5, стлб. 848). Данный текстовый комплекс «формирует у читателя "горизонт ожидания"» (Ю. В. Кабыкина) (2).

В данной статье мы рассмотрим функциональную значимость такого рамочного элемента, входящего в заголовочный комплекс, как эпитафия, в трех наиболее известных произведениях современного русского писателя Олега Олеговича Павлова (1970–2018) – «Казенная сказка» (1994), «Дело Матюшина» (1997) и «Карагандинские девятины» (2001), объединенных автором в издании 2001 года в трилогию «Повести последних дней».

При этом отметим, что и до 2001 года, то есть при первой (журнальной) публикации, и в первых отдельных изданиях указанных произведений, и в названном издании эпитафии отсутствовали. Относительным исключением из этого ряда является первая по времени написания «Казенная сказка» («Новый мир», 1994, № 7): в ней, на первый взгляд, эпитафия также отсутствовал, но было посвящение:

«Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробках покоилось во все века наше царство-государство, вечная всем память» (6).

Действительно, в полном смысле слова это не эпитафия, так как традиционно под ним подразумевается «точная или измененная цитата из другого текста, предпосланная всему произведению или его части» (5, стлб. 850). В то же время приведенный текстовый фрагмент двухкомпонентен: если первая часть, без сомнения, именно посвящение («указание лица, которому предназначается или в честь которого написано данное произведение» (5,

стлб. 851)), то вторая часть несколько меняет модус повествования и отсылает нас к тексту поминальной литии:

«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему (усопшей рабе Твоея) (имя), и сотвори ему (ей) вечную память.

Вечная память (трижды).

Душа его (ея) во благих водворится, и память его (ея) в род и род».

Причем при первой публикации между двумя частями посвящения не было разрыва – текст шел через запятую (см. выше), тогда как в издании трилогии 2001 года (заметим, и во всех последующих) автор отделяет фразу «Вечная всем память» точкой (7, 5).

Пафос посвящения «замешен» на разговорной интонации, которая выражена, например, лексически. Такую стилистическую окраску имеет слово *служака* (в словаре: «обычно с прил. “старый”, “хороший”, “добрый” и т.п.). Разг. Опытный, усердный служащий (обычно о военном)» (9, 143). Тот же эффект поддерживает и сказово-сказочное *царство-государство* (к тому же задающее в повествовании «Казенной сказки» и еще один мотив, усиленный заглавием первой главы – «Жили-были» (об этом подробнее см.: 3)). Здесь же, в первой части посвящения, и *горбы да гробы*, упомянутые автором и отсылающие к мотивам тяжелого, изнурительного труда, хотя, к примеру, в словаре В. И. Даля *горб* (в одном из значений), кажется, всего лишь спина: «Говоря о труде, работе, спина; гнуть горб, гнуть спину, работать» (1, т. I, 377). Но приведенные далее пословицы вносят отнюдь не нейтральную смысловую оценку: «Добывай всяк своим горбом. Живи всяк своим добром, да своим горбом. (...) От работы (от сохи) не будешь богат, а будешь горбат. Мужик не живет богат, а живет горбат» (там же). По мнению Павлова, таковы «во все времена» русские капитаны (отсыл к литературной традиции критики здесь сразу же отметили, вспомнив и пушкинского капитана Миронова, и лермонтовского штабс-капитана Максима Максимыча).

Таков служака и главный герой повести «Казенная сказка» капитан Хабаров, пытающийся честно служить в охране лагеря Карабас, затерянного в казахских степях, забытого всеми в смутные девяностые годы, когда солдатиков герою кормить нечем, – и он сажает картошку, за что его чуть не сгноят; а когда нищенские деньги подопечных не привозят – он отправляется пешком за скудным жалованьем солдат и замерзает, заплутав, у стен своего же лагеря.

Финальная фраза повести «...пускай душа его упокоится с миром» (6, 166) перекликается с заключительными словами посвящения, приобретшими характер именно эпитафии: «Вечная всем память». Перефразируя слова В. Б. Шкловского, скажем: здесь эпитафия рождается не затем, чтобы оставить читателя «в стране энергии заблуждения», а чтобы «окрасить эмоции читателя своими эмоциями» (10, 17).

Почему и в последующих частях трилогии появляются эпитафии, причем религиозного содержания? Сам писатель в интервью Т. Бек говорил о переломе в своем сознании на рубеже тысячелетий и приходе к православию (см.: 8).

Оттого история заблудшей души – солдатика, убившего зэка, в романе «Дело Матюшина» предваряет в последнем издании известная фраза из книги Бытия, рассказывающая историю Каина и Авеля: «Разве я сторож брату моему?» В Библии читаем: «И сказал господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» И из Божьих уст звучит проклятие: «ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

В контексте рассказа о лагерном охраннике, мучительно переживающем свою службу, его грехопадении, муках и начале духовного воскресения, библейское притчевое сказание не только прогнозирует развитие психологического конфликта, но и определяет авторскую позицию в произведении.

Еще больший смысловый объем получает эпитафия к повести «Карагандинские девятины», имевшей подзаголовок «Повесть последних дней». Начиная с издания 2001 года, когда на-

званные произведения Павлова стали единым целым, эмблематика «Карагандинских девяти» перешла на всю трилогию – «Повести последних дней». Христианская, в данном случае апокалипсическая, доминанта в рассматриваемых текстах была усилена.

«Карагандинские девятины», в самом заглавии имеющие религиозно-поминальный мотив, рассказывают о непростом пути возвращения тела убитого солдатика на родину и предвараются цитатой из предпоследней части книги Екклесиаста: «Веселись, юноша, в юности твоей...» С одной стороны, эта фраза выглядит почти горьким издевательством: юность солдатика загублена и уже не сулит ему ничего – ни веселья, ни горя. С другой стороны, в контексте авторских раздумий над человеческой жизнью это и писательский посыл о мгновенности нашего существования, и о неминуемости апокалипсиса – Божьего суда, и об истинных христианских ценностях:

«Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за всё это Бог приедет тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета».

По словам С. Д. Кржижановского, «заголовочный лист ... вырабатывает, не теряя сработанности с книгой, как бы свою симпатическую, нервную систему и свою автономную циркуляцию знаков» (4, 18). Таким образом, эпиграфы, предпосланные Павловым ко всем трем произведениям, составляющим трилогию «Повести последних дней», как и весь заголовочный комплекс, ярче проясняют идейно-художественную доминанту данного текста в целом, оставаясь его самостоятельным смыслопорождающим компонентом.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989.
2. Кабыкина Ю. В. Рамочный текст в драматическом произведении: А. Н. Островский и А. П. Чехов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. URL: <http://netess.ru/3filologiya/142238-1-ramochniy-tekst-dramaticheskoy-proizvedenii-an-ostrovskiy-chehov.php>
3. Котлов А. К. Фольклорно-мифологические истоки хронотопа «Казенной сказки» Олега Павлова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 137–141.
4. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М., 2001.
5. Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. Стлб. 848–853.
6. Павлов О. Казенная сказка // Новый мир. 1994. № 7.
7. Павлов О. О. Повести последних дней: Трилогия. М., 2001.
8. Павлов О. Я пишу инстинктом / беседу вела Т. Бек // Вопросы литературы. 2003. № 5.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1986.
10. Шкловский В. Б. Избранное: в 2 т. URL: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html>.